

MEMOIRES DU COMTE ALEXANDRE BENKENDORF
GENERAL DE CAVALERIE, AIDE DE CAMP GENERAL
DE S.M.E. L'EMPEREUR DE RUSSIE

ЗАПИСКИ БЕНКЕНДОРФА

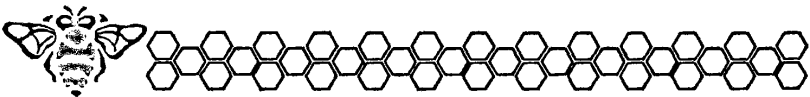
1812 год

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1813 год

ОСВОБОЖДЕНИЕ НИДЕРЛАНДОВ

Mémoires du comte Alexandre Benkendorf
Général cavalerie, Aide de Camp Général
de S. M. E. l'Empereur de Russie

ЗАПИСКИ БЕНКЕНДОРФА

1812 год
Отечественная война

1813 год
Освобождение Нидерландов

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2001

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 99-01-16040

Публикация подготовлена при содействии Пушкинской комиссии
Института мировой литературы (ИМЛИ) имени А. М. Горького
и Российского государственного военно-исторического архива

З 32 Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война.
1813 год. Освобождение Нидерландов / Сост., прим. и сопро-
вод. ст. П. Н. Грюнберга. — М.: Языки славянской культуры,
2001. — 384 с., ил., карта. — (Studia historica).

ISBN 5-7859-0228-1

Публикуемые — впервые после начала XX века — два фрагмента из «Записок» гр. А. Х. Бенкендорфа посвящены событиям Отечественной войны 1812 года и Зарубежным походам 1813—1814 годов, активное участие в которых принимал автор. Особый интерес представляет освещение мало известных широкому читателю фактов: боя у Звенигорода 31 августа 1812 г., занятия Амстердама и Бреды в ходе освобождения Нидерландов и др. В Приложении публикуются письма А. Х. Бенкендорфа графу М. С. Воронцову 1811—1815 гг. Посвященная недостаточно изученным аспектам деятельности А. Х. Бенкендорфа публикация ломает многие устоявшиеся стереотипы и способствует объективной оценке этого выдающегося военного и государственного деятеля России. Составителю принадлежат обширные комментарии и примечания, содержащие подробный справочный материал, касающийся упоминаемых в «Записках» лиц и событий.

ББК 63.3(2)47

Составитель выражает благодарность
за консультации и помощь при подготовке публикации

художнику и фотографу *г-же М. Б. Далибандо*;
историку 1812 года, архитектору-реставратору *г-ну Н. И. Иванову*;
литературоведу *г-ну В. А. Кожевникову*;
литературоведу-пушкинисту доктору филологических наук *г-ну В. С. Непомнящему*;
ветерану дипломатической службы и внешней разведки России *г-ну В. С. Никитину*;
журналисту и историку *г-ну Корнелиусу Сегерсу* (Нидерланды);
директору краеведческого музея г. Рузы *г-ну Л. С. Соколову*.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 7859-0228-1

9 785765 902282 >

- © П. Н. Грюнберг. Составление, сопроводительные статьи, примечания, 2001
- © Т. А. Ильашенко, Е. Э. Лямина, М. Тищенко. Перевод с фр., 2001
- © В. С. Непомнящий. Примечание к книге, 2001

Оглавление

Примечание к книге (В. С. Непомнящий)	7
Предисловие	11
Краткие биографические сведения об авторе	
«Записок Бенкендорфа»	15
Примечания	21

Записки Бенкендорфа 1812 год. Отечественная война в России

Глава I	31
Глава II	44
Глава III	60
Глава IV	77
Примечания	89
Описание военных действий отряда, находившагося под начальством генерала Винценгероде в 1812-м году	113
История 1812 года и «Записки Бенкендорфа»	
Стратегический план высшего командования	123
русских армий на начальном этапе кампании 1812 года. . .	124
«Летучий корпус» генерала Винценгероде.	141
Бой при Звенигороде	145
«Хоть Москва в руках французов...»	172
«...Москва, спаленная пожаром»	182
Народ, «общество» и автор в «Записках Бенкендорфа» . .	188
Примечания	193

Записки Бенкендорфа 1813 год. Освобождение Нидерландов

«Записки Бенкендорфа» 1813 год	207
Примечания.	240
Действие отряда Генерал-майора Бенкендорфа в Нидерландах	263
«За Амстердам и Бреду» (Освобождение Голландии по «Запискам Бенкендорфа»)	272
Примечания.	302
Приложение 1. Письма А. Х. Бенкендорфа к графу М. С. Воронцову 1811—1815 годов	
Вступление	309
Письма А. Х. Бенкендорфа к графу М. С. Воронцову . .	315
Примечания.	352
Приложение 2. Пушкинские параллели в «Записках» и письмах А. Х. Бенкендорфа	369
Вместо заключения	385
Список иллюстраций, карт и схем	387

Примечание к книге

Вот уже полтора столетия имя этого человека в культурном сознании читателя запятнано. Стоит завести речь о Пушкине и его жизни — тут же возникает инфернальной тенью фигура Бенкендорфа. Собственно, и не фигура, а монументальная репутация: жандарм, солдафон, бюрократ, гонитель великого поэта. Сформировавшись в пристрастной системе представлений либерально-демократической общественности XIX века, характеристика эта была утверждена интеллигенцией начала века XX, ненавидевшей «царизм», а затем намертво закреплена советским пушкиноведением, чьим персонажем стал граф Бенкендорф, полностью лишенный собственного бытия. Никто ничего не хотел о нем знать, кроме того, что главным его делом было портить жизнь Пушкину. Хотя портрет генерала висит в знаменитой галерее Зимнего дворца среди изображений

...начальников народных наших сил,
Покрытых славою великого похода
И вечной памятью двенадцатого года.

Хотя именно его, вместе с Милорадовичем, имел Пушкин в виду в «Медном всаднике»:

Царь молвил — из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Хотя это ему поэт писал 24 марта 1830 года (по франц.): «Несмотря на четыре года уравновешенного поведения, я не приобрел доверия власти... Если до настоящего времени я не впал в немилость, то обязан этим не знанию своих прав и обязанностей, но единственно вашей личной ко мне благосклонности. Но если вы завтра не будете больше министром, меня упрячут».

Не следует, конечно, преуменьшать тактического искусства поэта, совмещающего комплимент с тонким упреком насчет незнания «своих прав и обязанностей», и все же общий смысл высказывания: от добра добра не ищут; а тон письма — доверительный, почти домашний.

Вообще, следовало бы собрать и издать отдельно переписку Пушкина с Бенкендорфом и, между всем прочим, посмотреть и послушать, как поэт разговаривает со своим могущественным куратором, одним из важных людей в государстве. Это интересно потому, что в манере пушкинского эпистолярного общения отражается, как давно отмечено исследователями, личность адресата в тех ее частных качествах, какие в других источниках могут быть неразличимы. Выясняется, например, что наряду с комплиментами и реверансами (когда необходимо дежурными, а когда и по глубокому существу), благодарностями за заботу и помощь (когда ритуальными, а когда и предметно обоснованными), этикетными уверениями в «глубочайшем почтении и совершенной преданности», Пушкин нередко позволяет себе тон не только учтиво-непринужденный, но и едва ли не фамильярный, разговор на равных, «между своими», а порой чуть ли не поручения дает своему «начальнику» (например, направить прочитанную рукопись не ему, автору, а прямо издателю, — что вовсе не входило в круг забот III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Еще большую свободу проявляет он в личном общении. Я. К. Грот передавал рассказ П. В. Нащокина: «Когда в разговоре о стихотворении на выздоровление Лукулла Бенкендорф хотел от него добиться, на кого оно написано, то он отвечал: “На вас”, и видя недоумение усмехнувшегося графа, прибавил: “Вы не верите? отчего же другой (С. С. Уваров, на которого была написана сатира. — В. Н.) уверен, что это на него?”»¹. Тот же Нащокин вспоминает: «Жжонку называл Бенкендорфом, потому что она, подоб-

¹ Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы Я. К. Грота. СПб., 1899, с. 290.

но ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок влияние на желудок»². О том, кто тебе только враг, так не говорят.

«Близ царя — близ смерти» — эту пословицу Пушкин отчеркнул в одном сборнике. Отношения его с властью известны, приукрашивать тут нечего, власть есть власть. Так было всегда, и не только на Руси. Но эти отношения, при всех катаклизмах, поводах то к унынию, то к возмущению, в целом осмыслялись зрелым Пушкиным как «домашний, старый спор», неизбежное историческое обстоятельство, «сила вещей», с которою надо мирно сосуществовать, если хочешь делать свое дело. И в поведении он избрал тот путь, что называют «царским», — согласующий свободу с требованиями необходимости, волю с разумом. Но не менее замечательно и то, что стиль отношений, предложенный поэтом с «неуравновешенным поведением», недавним политическим изгнанником, «вольнодумцем» и *enfant terrible*, — этот стиль шеф жандармов генерал Бенкендорф, не препятствуя, принял.

Еще важнее другое: он никогда не проявлял собственной инициативы в деле ограничения свободы своего подопечного (и поднадзорного) — он делал только то, что обязан был делать по службе: запрещал то, что было безусловно нельзя, а все остальное позволял или не замечал. Одним словом, обращался с подчиненным по-человечески терпимо, приказы же начальства исполнял по-солдатски точно.

Совсем не обязательно менять все ориентиры, «выворачивать перчатку», чтоб понять и учесть главное, о чем, среди прочего, свидетельствует эта книга: Бенкендорф был, как чиновник и государственный муж, прежде всего солдат — не только в прозаическом переносном (честный служака), но и в высоком буквальном (воин) смысле. Лучшее, что в нем есть, как нельзя яснее видно из его славной боевой биографии, здравых размышлений о перипетиях войны, самоотверженного воинского усердия, взволнованного описания разоренной Москвы, мужественной защиты вооруженного крестьянства от столичных подозрений, из многого другого, в том числе — из его мемуарной манеры и слога, чуждых всякой позы, привлекающих ясностью, трезвостью и скромным достоинством российского офицера.

² Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым. Л., 1925, с. 49.

И вот этот человек, рожденный для войны, для борьбы с неприятелем (будь то Наполеон или «злые волны»), оказывается на полицейском месте, несет чиновничью службу, предполагающую, помимо иного, надзор за неблагонадежными субъектами, в том числе сочинителями. Это явно не его дело; а человек, оказавшийся не на своем месте, нередко становится хуже себя самого, обнаруживает неожиданные слабости и неприглядные черты. С Александром Христофоровичем — судя хотя бы по поведению с Пушкиным — такого, кажется, не произошло: он и эту работу делал честно и добросовестно, или, как писали в документах того времени, *отлично благородно*.

Пушкин, думается, это и чувствовал: не отождествлял тяжкую власть «силы вещей» с личностью своего патрона, не ждал от него какой-то особой приязни, не требовал невозможного, был благодарен за возможное. И явно его уважал.

Что он был в этом прав, говорит настоящая книга. Из нее видно: Александр Бенкендорф — это достойный деятель русской истории, его есть за что уважать.

В. Непомнящий

Предисловие

.....

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал перед тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

.....

А. С. Пушкин. «Александр», 1815 год

Общеизвестно — граф Александр Христофорович Бенкендорф занимает в истории пушкинской жизни немаловажное место. Достаточно значительно и его место в российской истории пушкинской поры. Пушкинское же время началось, когда смертоносный вихрь, охватив Европу и почти весь мир, обрушился на Россию «грозою двенадцатого года». Отечественная война, непосредственно перешедшая в зарубежные походы 1813—1814 гг., стала началом нового времени России, началом ее новой великой культуры, а ее олицетворение для нас — гений Пушкина. События 1812 года, великого года России, были первыми и, наверное, самыми сильными патриотическими и гражданскими переживаниями для отрока Пушкина и его лицейской братии, переживаниями чистыми, незамутненными сомнительными, привнесенными искустителями, политическими страстями и пристрастиями.

Тогда, в 1812 году, как вспоминал поэт:

со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадою возвращались,

Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

(«Была пора: наш праздник молодой...», 1836 год)

Среди тех, кто вел в сраженья «старших братьев» пушкинских ровесников, был человек, чье имя известно нам с детских лет в числе имен «гонителей Пушкина и организаторов его убийства»¹, — тезка поэта, полковник, затем генерал, Александр Бенкендорф. Перед нами несколько десятков написанных им страниц — краткое повествование о тех событиях великого года России, коим он был прямым или косвенным свидетелем. Что же представляют собой «Записки Бенкендорфа»? И имеют ли они ныне право быть в числе источников по истории Отечественной войны 1812 года и истории России этого времени в целом, а также право на какое-то место в современной пушкинистике? Или ими нужно пренебрегать и сейчас так же, как пренебрегают уже почти сто лет со времени их первой публикации?

Нет нужды давать собственные оценки, когда уже имеются оценки достаточно точные и убедительные. Обратимся к мнению (не новому, ему уже двадцать лет «отроду»), авторитетного ученого, историка-источниковеда Андрея Григорьевича Тартаковского. В своей работе «1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого исследования» (М., 1980, с. 43) он пишет: «Богатейшее мемуарное наследие оставили после себя (следует два, три имени. — П. Г.)... и А. Х. Бенкендорф. ...оно не подвергалось изучению». Характеризуя неопубликованные к 1980 г. мемуары по теме 1812 года, А. Г. Тартаковский говорит: «они почти не содержат, кроме записок Бенкендорфа и... (следуют еще две позиции. — П. Г.) обширных по размерам... повествований, которые охватывали бы крупные периоды наполеоновских войн» (Там же, с. 98). Наконец, А. Г. Тартаковский называет «Записки Бенкендорфа», и из всех мемуаров только их, «мемуарно-историческим сочинением». Определение весьма емкое и точное. Ибо чтение «Записок» убеждает в этом полностью. Перед нами не только и не столько воспоминание об участии автора в великих и грозных событиях. «Записки Бенкендорфа» вмещают краткое повествование обо всем 1812 годе, и рассказ об увиденном и пережитом, и осмысление событий, и характеристики действующих в них сил и лиц. Многие свидетельства мемуариста — о разных условиях, о некоторых общественных явлениях — уникальны и подтверждают правоту Пушкина, который написал в «Рославле» — «общество было гадко».

О военной стороне мемуаров. Отметим главное. Перед нами воспоминания, принадлежащие перу офицера Императорской Главной Квартiry, причем довольно осведомленного о ее деятельности в начале войны в качестве главного военного штаба России. Это видно из того, как пишет автор о начальных военных действиях. Бенкендорфу принадлежит описание рейда отряда Винценгероде в глубь занятой французами Белоруссии, а также боя под Звенигородом. Важен и рассказ о том, что происходило под Москвой в дни, когда в ней была Великая армия, об освобождении Москвы и ее состоянии после ухода неприятеля.

Свидетельства Бенкендорфа и его суждения о кампании 1812 года тем более ценны, что они имеют весьма раннее происхождение. Это одни из первых по времени создания столь содержательные мемуары участника войны. История их появления такова. В 1817 году в Петербурге при штабе Гвардейского корпуса стал издаваться «Военный журнал», и в одном из первых его выпусков появились «сообщения» о действиях отряда генерала Винценгероде в 1812 году, с указанием на их происхождение от А. Х. Бенкендорфа. Эти «сообщения» соответствуют содержанию II и III глав «Записок» о 1812 годе, но исключительно в части, посвященной военным действиям. Отсутствуют все «отступления» от собственно военной темы, зато всюду приводятся численность войск, боевые потери и пр.

Подобная публикация в стиле «*die erste Kolonne marschirt*» соответствовала назначению издания. Перевод («Записки» написаны на французском языке), весьма точный, но рутинный и сухой, принадлежит редактору журнала Федору Глинке².

Отметим, что сопоставление «Записок» с публикацией сокращенных и адаптированных глав в «Военном журнале» наглядно подтверждает определение «Записок» не только как военных мемуаров, но как мемуаров о войне, что по содержанию неизмеримо шире и универсальнее. В том же 1817 году «Военный журнал» опубликовал «сообщение» Бенкендорфа о действиях его отряда в Голландии в конце 1813 года, очевидно, также адаптированное.

После этого «Записки Бенкендорфа» о 1812 и 1813 гг. исчезают и появляются уже в начале XX века. Видный военный историк генерал-майор В. И. Харкевич³ опубликовал «Записки» — текст французского оригинала и его перевод — в одном из сборников мемуаров и дневников участников Отечественной войны 1812 года, выпущенном им в Вильно в 1903 году. Перевод обладает безусловными достоинствами и вполне передает «дух» оригинала; его

предположительно можно приписать издателю, поскольку имя переводчика не указано. Харкевич определил раннее происхождение «Записок» — 1816—1817 годы (он считает публикации в «Военном журнале» адаптированными главами основного текста «Записок»). Можно предположить, что «Записки» созданы в связи с пожеланиями Федора Глинки. Создавались они спонтанно, автор над ними не «работал», о чем свидетельствуют некоторые ошибки и неточности в отношении эпизодов войны, к которым мемуарист непосредственного отношения не имел; подобные «накладки» были бы исправлены при повторном обращении автора к своему тексту.

Отметим определенные литературные достоинства «Записок». Это касается и языка, и стиля — все кратко, ясно, зримо, никаких излишеств, нет претензий на изысканность; это вполне добротная «французская» проза, делающая честь ее автору, не почитавшему себя литератором.

И вот, с самого начала XX века о «Записках Бенкендорфа» — почти ни слова. В юбилейный 1912 год появился лишь повтор рассказа о походе в Голландию, правда, как отмечает А. Г. Тартаковский, «по иной рукописи», т. е. не копия с адаптации «Военного журнала», а перевод оригинала. В 1938 году Е. В. Тарле⁴ в книге «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» эффектно использовал один убедительный пассаж из «Записок». И все. Более о «Записках» не упоминали вплоть до 1980 года, когда им дал справедливо высокую оценку А. Г. Тартаковский, что, впрочем, нисколько не повлияло на судьбу «Записок», они остались по-прежнему не востребованы. Причина очевидна. Уже давно в обществе возобладало отношение к Бенкендорфу, основанное исключительно на доминирующей политической тенденции. Впрочем, и вся история, и населяющие ее люди стали трактоваться не в поиске исторической истины, а исключительно с прогрессивных «политических платформ». Если бы содержание «Записок» работало на образ Бенкендорфа — «сатрапа», «крепостника», человека бездушного, бессовестного и коварного, каковым его подают многочисленные «единственно верные» идеологи, то, будем уверены, цитаты из «Записок» переходили бы из книжки в книжку, за них боролись бы авторы подобных трудов.

Для пишущего по-французски русского немца Бенкендорфа Россия — такая же родная земля, Москва — такая же священная столица, как и для исконного населения, святыни народа России — это и его святыни (что справедливо и для командира Бен-

кендорфа, барона Винценгероде⁵, который даже и русским подданным не был, а пошел, не зная страха, спасать подготовленный к взрыву Кремль). «Записки Бенкендорфа» свидетельствуют о том, что Россия, Москва и их святыни были святы и для многих из тех, кто пришел тогда служить из разных стран и кто служил им своей кровью отнюдь не из «классовых интересов», не по некоей врожденной «контрреволюционности». Бенкендорф был не из тех «немцев», что, как писал Лев Толстой, «приехали нас учить», и не из тех, «произвести» в которые просил Императора язвительный А. П. Ермолов⁶. Немец по происхождению, полковник Бенкендорф принадлежал к российской военной аристократии и честно, как воины из всех сословий, своей жизнью служил России и ее Императору. И нелепо предполагать, что тогда Россию могли защищать люди, служившие иначе.

Один из выдающихся современных богословов-историков как-то сказал: «Нужно приникать к источникам нашей истории и не судить о ней по легкомысленным наветам историков-публицистов двух последних веков»⁷. Одним из множества источников, обойденных вниманием нашей исторической публицистики, являются и «Записки Бенкендорфа». Пусть о них судят читатели, — они имеют на это все права. Кому-то они будут не по нраву, кто-то увидит в них писания «аристократа-монархиста», кто-то откроет в них новое знание о прошлом, о том времени, что для нашей культуры есть время Пушкина, кто-то узнает новое о его «гонителе» и «убийце» и будет сожалеть, что жестокие обстоятельства воспрепятствовали иному, нежели оно было, общению генерала и поэта.

Краткие биографические сведения об авторе «Записок Бенкендорфа»

Русские Бенкендорфы происходят от некоего Андрея Бенкендорфа, переселившегося в XVI веке из Бранденбурга в Лифляндию и бывшего «королевским комиссаром в Риге». Дед, Иван Иванович (Иоганн Михаэль) Бенкендорф (1720—1775) — генерал-поручик, обер-комендант Ревеля. Его супруга, София Ивановна (в девичестве Левенштерн, 1723—1783), была воспитательницей старших детей цесаревича Павла Петровича — будущего Императора Александра и Великого Князя Константина. Отец, Христофор Иванович (1749—1823) — генерал от инфан-

терии, военный губернатор Риги. В 1770—1771 гг. участвовал с отличием в Первой русско-турецкой войне. В 1799 г. вышел в отставку и удалился в имение под Ревелем. Мать — баронесса Анна Юлиана Шиллинг фон Канштадт (даты в родословной Бенкендорфов: 1759 — после 1830, даты Русского биографического словаря 1744—1797 представляются менее вероятными) — подруга детства Императрицы Марии Федоровны, с которой вместе прибыла в Россию.

Александр Христофорович Бенкендорф родился в 1783 г. (реже встречается дата, указанная в родословной, — 23 июня 1781 г.). Воспитывался в пансионе аббата Д. Ш. Николя⁸. Службу начал в 1798 г. унтер-офицером Лейб-гвардии Семеновского полка, в том же году — прапорщик, флигель-адъютант Императора Павла I. В 1802 г. назначен в свиту генерала Г. М. Спренгпорте-на⁹ в его поездке по России с секретной инспекционной миссией. В 1803—1804 гг. в Грузии, участвовал в войне с Персией, «был у князя Цицианова»¹⁰. Отличился при «взятии форштадта крепости Гянджи»¹¹ и «в сражении с лезгинами», награжден орденами Св. Анны 4-й ст. и Св. Владимира 4-й ст. В 1804 г. командирован на остров Корфу к генералу Р. К. Анрепу¹², где формировал батальоны греческих и албанских добровольцев («Албанский легион») для экспедиции в южную Италию в предстоящей войне с Францией. В прусской кампании 1806—1807 гг. состоял при дежурном генерале графе П. А. Толстом¹³, отличился в сражении при Пройсиш Ойлау¹⁴, награжден орденом Св. Анны II ст. В 1807—1808 гг. уже в чине полковника был в посольстве графа П. А. Толстого в Париже. В 1809 г. «охотником», т. е. добровольцем, отправился на Дунай, в войска, действовавшие против турок. В 1811 г. под Рушуком отличился, возглавив решительно повлиявшую на ход сражения атаку Чугуевского уланского полка (по другой версии, Кинбурнского драгунского полка), за что награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. По возвращении в Петербург — в свите Императора Александра I, его флигель-адъютант. В составе Императорской Главной Квартиры¹⁵ начал кампанию 1812 г. Выполнял исключительно важные поручения, связывая Императора Александра I и главнокомандующего Второй Западной армией Князя П. И. Багратиона¹⁶. Затем командовал авангардом «летучего корпуса» генерал-адъютанта барона Винценгероде, отличился в рейде к Полоцку, в боях под Велижем и Звенигородом. Во время оккупации французами Москвы в действиях на Петербургской и Волоколамской дорогах его отряд захватил около

8000 пленных. 10 октября 1812 г. с боем вошел в покидаемую противником столицу, где захватил «3000 пленных и 30 орудий». В октябре 1812 г. временный военный комендант Москвы до прибытия властей. Затем в походе до Немана с отрядом генерала П. В. Голенищева-Кутузова¹⁷ взял в плен трех французских генералов и около 6000 солдат. Генерал-майор. В кампании 1813 г. отличился при Темпельберге (орден Св. Георгия 3-й ст.), при взятии Люнебурга (орден Св. Анны 1-й ст.), при Гросс-Берене. В битве «тысячи народов» при Лейпциге командовал кавалерией корпуса барона Винценгероде. Во главе отдельного отряда совершил поход в Голландию, занял Амстердам, Утрехт, Роттердам, Бреду, Мехельн и другие города и крепости. В 1814 г. командовал кавалерией отряда графа М. С. Воронцова¹⁸ в сражениях при Краоне и Лаоне, сражался при Сен-Дизье. Был награжден прусским орденом *Pour le mérite* («За заслуги»), Большим крестом ордена Шведский меч и др. орденами. В 1815 г. — командующий уланской бригадой, в 1816 г. назначен командиром 2-й драгунской дивизии. В 1816 г. вступил в масонскую ложу «*Amis réunis*», в 1818 г. перестал ее посещать. С 1819 г. — начальник штаба Гвардейского корпуса, генерал-адъютант Императора. В мае 1821 г. представил Императору Александру I записку о «Союзе Благоденствия», составленную библиотекарем штаба Гвардейского корпуса М. К. Грибовским, предлагал «устранить главных его членов». Доклад был «оставлен без последствий», но некоторое его влияние на последовавшее вскоре запрещение тайных обществ в России нельзя исключить. С декабря 1821 г. — генерал-лейтенант, командир 1-й кирасирской дивизии.

Во время наводнения 1824 г. вместе с военным генерал-губернатором Петербурга графом М. А. Милорадовичем¹⁹ возглавил борьбу с бедствием и его последствиями (см. примечание А. С. Пушкина в «Медном всаднике»).

А. С. Грибоедов в «Частных случаях Петербургского наводнения» пишет: «...В эту роковую минуту государь явился на балконе. Из окружавших его один сбросил мундир, сбежал вниз, по горло вошел в воду, потом на катере поплыл спасать несчастных. Это был генерал-адъютант Бенкендорф. Он многих избавил от утопления, но вскоре исчез из виду, и во весь день о нем не было вести»²⁰. В его ведении был Васильевский остров, наиболее пострадавшая часть столицы, где он, временный военный губернатор этого района Петербурга, своими действиями приобрел авторитет и уважение всех слоев обитателей.

14 декабря 1825 года на Сенатской площади был в свите Императора Николая I. Активного участия в событиях не принимал. В ночь на 15 декабря начальствовал на Васильевском острове и своевременным распространением манифеста предотвратил столкновение с войсками населения, не извещенного об отречении от престола Вел. Князя Константина Павловича. Член следственной комиссии по делу декабристов. Многие декабристы (М. А. Фонвизин, Н. И. Лорер и др.) вспоминали о нем с уважением²¹, другие (М. С. Лунин) иначе.

25 июля 1826 г. назначен начальником Главной Императорской Квартир, а также начальником III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шефом корпуса жандармов, с 6 декабря 1826 года — сенатор. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в свите Императора Николая I был при Браилове, при Шумле «командовал двумя кареями», охранявшими ставку Императора, участвовал во взятии Варны. В 1829 г. — генерал от кавалерии, награжден орденом Св. Владимира 1-й ст., член Государственного Совета. С 1832 г. — граф, в 1834 г. — орден Св. Андрея Первозванного. Со времени похода 1828 г. по 1837 г. сопровождал Императора Николая I во всех его поездках и путешествиях по России и Европе. Скончался 23 августа 1844 года по пути в Россию из Бадена, где был на лечении. При сообщении о его смерти Николай I сказал так: «Он ни с кем меня не поссорил, а примирил со многими».

У А. Х. Бенкендорфа были брат Константин Христофорович, кавалерийский генерал и дипломат²², и три сестры. Младшая — Дарья Христофоровна (1785—1857), статс-дама, известная княгиня Ливен. Будучи супругой князя Христофора Андреевича Ливена²³, посла в Берлине и в Лондоне, она занимала видное положение в мире политики. Имела влияние на «сильных мира сего», в частности, на князя Меттерниха²⁴ (что послужило основанием для сплетен, до сих пор бытующих в «исторической публицистике»), и, соответственно, на течение дел в европейской политике в конце царствования Александра I и в начале царствования Николая I.

А. Х. Бенкендорф был женат (с 1817 г.) на вдове генерал-майора П. Г. Бибикова Елизавете Андреевне (урожденная Донец-Захаржевская), скончавшейся в 1857 г., и имел трех дочерей — Анну Александровну (замужем за графом Аппони, австрийским послом в Баварии, затем в Пьемонте), Марию Александровну (супруга князя Григория Петровича Волконского, гофмейстера Двора) и Софию Александровну (во втором браке за князем Сергеем Викторовичем Кочубеем).

* * *

Текст «Записок Бенкендорфа» приводится по изданию: «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба». Составитель генерал-майор В. И. Харкевич. Выпуск II. Вильно, 1903, с. 53—138. Публикуемый текст «Записок Бенкендорфа» об Отечественной войне 1812 года полностью соответствует французскому оригиналу и переводу, опубликованным В. И. Харкевичем в 1903 году. Сохранены абзацы, написания некоторых слов с прописной буквы, но орфография — современная. Пунктуация оригинала сохранена, за исключением явно излишних знаков — они сокращены. Деление на главы принадлежит В. И. Харкевичу, хотя сама структура мемуаров подразумевает подобное деление, о чем говорит наличие соответствующих интервалов и отчерков в рукописной копии. Каждая глава в переводе 1903 года предваряется «легендой», кратким изложением ее содержания, что сохранено и в настоящем издании.

«Записки Бенкендорфа» — не авторское название мемуаров. Это их устоявшееся название, появившееся с тех пор, как о них стало известно в обществе. Вскоре после кончины автора вышла в свет краткая биографическая статья о нем в «прибавлении к части осьмой» «Военного энциклопедического лексикона, издаваемого обществом военных и литераторов» (СПб., 1844, с. 1—3). В ней сказано: «Должно упомянуть еще, что он имел во всю жизнь обыкновение составлять записки о служении своем, также и о важнейших событиях ему современных. Изданные в свет записки сии составят драгоценный материал для истории». Это первое известие о мемуарах графа Бенкендорфа интересно не только справедливо высокой оценкой их значения «для истории». Именно с этой статьи ведет свое начало устоявшееся наименование мемуаров — «Записки». Истинное (французское) наименование — *Mémoires du comte Alexandre Benckendorf Général cavalerie, Aide de Camp Général de S.M.E. l'Empereur de Russie* — позднее, относится к 1830-м гг. Возможно, оно не принадлежит самому графу, но появилось при его жизни. Этим наименованием снабжены писарские копии фрагментов, сделанные по просьбе отдельных лиц (А. И. Михайловского-Данилевского и др.). Через двадцать лет после кончины графа появилась первая публикация из «Записок» во втором номере бартеневского «Русского архива» за 1865 год (столбцы 1167—1180). Публикация содержала фрагмент из

«Записок» в переводе барона Модеста Андреевича Корфа (лицейского однокашника Пушкина). Фрагмент содержит описание приключений Императора Николая I и его свиты в поездке летом 1836 года по восточным губерниям Империи. Барон М. А. Корф в письме П. И. Бартеневу от 8 января 1865 г. сообщал: «Записки его, о существовании которых не только Император Николай I, но и все близкие и даже родные графа узнали лишь после его смерти, были ведены на французском языке и содержат в себе множество таких подробностей, анекдотов и пр., которые иначе не сохранились». Барон М. А. Корф был не прав — «Записки» были давно известны по копиям фрагментов, хотя и весьма узкому кругу лиц (Император и избранные военные). Корф приводит и небольшой фрагмент о пожаре Зимнего дворца в 1837 году, на которых «Записки» обрываются.

Известные копии значительных фрагментов «Записок» с большими завершенными сюжетами либо снабжены повторением общего авторского названия мемуаров, либо не имеют его вовсе. В настоящем издании они даны с соответствующими их содержанию заголовками, принадлежащими публикаторам.

Около 1865 года известный своей язвительностью князь П. А. Вяземский, ознакомившись с копией некоторых фрагментов «Записок», написал следующую эпиграмму:

Вот как, прочтя сии записки,
О сочинителе сужу:
Был генерал он всероссийский,
Но был ли русский не скажу.
(РНБ, Отдел рукописей, ф. 1123, № 276)

В стихе князя Вяземского заключено противоречие. Вряд ли тот, кто — «всероссийский», может быть «нерусским»; только если «русскость» понимать узко и примитивно, вне подлинной исторической обусловленности этого понятия, не «по-пушкински». Князь Вяземский хотел съязвить, но получилась весьма емкая, лапидарная характеристика графа Бенкендорфа, она звучит утверждающе, почти как дифирамб: «Был генерал он всероссийский» (параллель с понятием «император всероссийский» и местом графа при императоре). Так рука пушкинского друга, помимо его воли, возвысила автора «Записок», признав его всероссийский масштаб и значительность, которые будет справедливо перенести и на его мемуары.